

церкві) з'ясовано, що селяни відмовилися від додаткових угідь (на користь власника) та палива (у уставних грамотах передбачалось 20 возів дров і визначена плата за них). Селяни погодилися, що перехід на оброк і визначений (в уставних грамотах) строк сплати оброку (до 1 квітня та 1 жовтня щороку) вводиться з 19.02.1863 р., а до початку цього строку вони зобов'язані відбувати повинності згідно Інвентарного уложення.

Акт підписали виконуючий обов'язки мирового посередника 1 ділянки Рівненського повіту відставний Штаб ротмістр Фома Словицький; уповноважений власника маєтку поміщик граф Мечислав Єзерський; уповноважені селян с. М. Олексин Іван Павлович (прізвище прочитати неможливо, примітка автора) і Аврам Тимофійович Огородник, а за них неписьменних розписався благочинний села Шпанова, парафіяльний священник Садовський; начальник Рівненської повітової поліції підполковник Гоць, свідки села Кустина Павло Михайлович Сервюк, с. Золотієва Кіндрат Климович Басюк, с. Двор Іван Семенович Пухайко [3, 17-20].

Тобто, найбільш поширеними сервітутними правами, якими були наділені селяни населених пунктів, що належали князям Радзивіллам в Рівненському повіті, були права водопою у місцевих водоймах (ставках, струмках, озерах, річках) та спільної з поміщиком толоки до розверстання угідь. Селянам заборонялося збирання ягід, випасання худоби у лісах поміщиків, риболовлі у водоймах, прогону худоби прогонами, які використовувалися і були влаштовані виключно для цілей економії Радзивіллів. Відповідно до актів про затвердження уставних грамот і введення їх в дію, селяни добровільно відмовилися від заготівлі дров у визначеному розмірі за окрему плату у князівських лісах (як відмовились і від додаткових наділів, передбачених уставними грамотами, складеними представником князів за їх відсутності).

1. Державний архів Рівненської області (далі – ДАРО). – Ф. 384. Рівненський повітовий суд (далі – РПС). – Оп. 5. – Спр. 65. Дело о выкупе крестьянами земли у помещиков Ровенского уезда (выкупные акты, доклады главного выкупного учреждения) (4.12.1868-3.01.1872 гг.). – 899 арк.

2. ДАРО. – Ф. 384. – Оп. 7. – Спр. 3. Уставная грамота селения Большой Олексин Ровенского уезда (27.12.1862 г.). – 18 арк.

3. ДАРО. – Ф. 384. – Оп. 7. – Спр. 4. Уставная грамота села Малый Олексин Ровенского уезда (декабрь 1862 г.). – 20 арк.

4. ДАРО. – Ф. 384. – Оп. 7. – Спр. 7. Уставная грамота селения Козлин Ровенского уезда Александрийской волости (1863 г.). – 13 арк.

5. ДАРО. – Ф. 384. – Оп. 7. – Спр. 10. Уставная грамота селения Понябель Ровенского уезда (29.12.1862 г.). – 18 арк.

6. ДАРО. – Ф. 384. – Оп. 7. – Спр. 12. Уставная грамота деревни Студенки (29.12.1862 г., 25.08.1864 г.). – 18 арк.

7. ДАРО. – Ф. 384. – Оп. 7. – Спр. 13. Уставная грамота села Шпанова (25.08.1864 г.). – 18 арк.

8. Бовуа Д. Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831 – 1863) / Даніель Бовуа. – К. : ІНТЕЛ, 1996. – 415 с.

9. Історія міст і сіл УРСР. Ровенська область. – К. : УРЕ, 1973. – 654 с.

**Вера ГУРУЛЕВА, Александр МУСИН (Санкт-Петербург),
Александр ОСТАПОК (Любомль)**

НАХОДКИ ЛАТИНСКИХ И «БОЛГАРСКИХ» ИМИТАЦИЙ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ НА ВОЛЫНИ И ПРОБЛЕМЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ XIII – НАЧАЛА XIV вв. В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Современные представления о денежном обращении в Восточной Европе XII–первой половины XIV вв. определяются двумя главными историографическими факторами. Прежде всего, это убежденность исследователей в повсеместном распространении «безмонетного периода» восточноевропейской экономики, основывающаяся на фактах прекращения поступления в регион европейского и арабского монетного серебра с конца XI – начала XII вв. – денариев и дирхемов, появления серебряных платежных слитков киевской и новгородской традиций и возникновения новых счетных денежных единиц, связанных своим происхождением с «меховыми деньгами» [1; 2; 3; 4]. Помимо этого, существенное влияние на построения исследователей оказывает хронология обращения византийских монет, предложенная Т. Нунаном, который, основываясь на капитальной сводке В. В. Кропоткина [5; 6], обращаясь преимущественно к милиарисиям и считая влияние золотых и медных монет на экономику

Восточной Европы несущественным, выделил три периода циркуляции византийского чекана: 1) 800 – 950 гг. – малочисленность монет, периодически участвовавших в денежном обращении; 2) 975 – 1050 гг. – наибольшее число находок, их регулярное участие в денежном обращении; 3) 1060 – 1130 гг. – постепенный упадок и полное прекращение поступления монет [7, р. 154].

Если споры о содержании «безмонетного периода» продолжаются преимущественно между сторонниками существования «меховых денег» («меховистами») и их эквивалентом в виде слитков серебра – гривен («металлистами») [8; 9; 10], то представления о поступлении византийских монет в Восточную Европу, прежде всего – на землях современной Украины, существенно уточнились уже во второй половине 1980–2010-х гг.

В исследованиях уже отмечались региональные различия в денежном обращении Восточной Европы, незамеченные Т. Нуненом, прежде всего – в северо-западном Причерноморье [11], однако эти особенности могли быть связаны преимущественно с жизнью кочевнических обществ и, в силу этого, не в полной мере отражать ситуацию в других частях Восточной Европы. Более существенно уточнение наших знаний о появлении византийских монет после 1130 г. на основных территориях, политически связанных с Киевской Русью. Так, в свое время В. Н. Зоценко проследил бытование византийских монет в Киеве и в Среднем Поднепровье в широком временном диапазоне с VI по XIII в., выделив три периода их появления и использования [12, с. 57–79]. Последний период бытования, обозначенный исследователем как время самостоятельного обращения византийских монет после прекращения поступления в Поднепровье арабских дирхамов, датируется им 70-ми гг. X в. – началом XIII в. По его подсчетам, из 75 монет этого времени 44 экземпляра – медные номиналы, 28 – золотые и 1 – серебряная монета. Из них к XII–XIII вв. относится 16 экземпляров, где преобладают монеты, найденные в составе кладовых комплексов. Новым, по сравнению с данными, приведенными у В. В. Кропоткина, является только один клад, найденный в Киеве в 1986 г. и поступивший в частную коллекцию. Он содержал выпукло-вогнутые биллоновые трахеи императоров из династии Комнинов-Ангелов, среди которых упомянуты две монеты Мануила I (1043–1080), две – Андроника I (1183–1195), пять – Исаака II Ангела (1185–1195) и одна – Алексея III Ангела (1195–1203), к сожалению, без точных ссылок на варианты типов монет. Поскольку биллоновые монеты всех перечисленных византийских правителей служили прототипами для имитаций конца XII – первой половины XIII в., то нельзя исключить, что клад содержал не византийские, а имитационные выпуски.

Стоит добавить, что еще в 1909–1910 гг. во время раскопок Д. В. Милеева на усадьбе митрополичьего дома Киево-Софийского собора была найдена золотая подвеска-иперпер императора Иоанна II Комнина (1118–1143) или древнерусское подражание ей. Монета имеет выпукло-выгнутую форму с изображением на выпуклой стороне Христа на троне, на вогнутой – Богоматери, благословляющей императора. Впрочем, такого же типа монеты чеканил и император Иоанн III Ватац (1222–1254). Монета имеет ушко для подвешивания из трехчастной рифленой полосы и два сквозных отверстия по краям. Предположительно, она изначально использовалась как нашивное или набивное украшение, возможно, для богослужебных книг. Позже она была превращена в подвеску, где главным почитаемым изображением, судя по расположению петли, был тронный образ Спасителя [13, с. 202, ил. 9: 1, с. XIII цветной вклейки].

Благодаря устному сообщению известно, что в начале 2010-х гг. в районе Киева была найдена биллоновая трахея императора Алексея III (1195–1203). В 1990 г. в Чернигове вместе с фрагментами византийских стеклянных сосудов обнаружена стертая медная византийская монета (вес 2, 31 г), которую Г. А. Козубовский отнес ко времени правления того же Алексея III [14, рис. 10: 7/23]. Однако такая атрибуция безусловна. На лицевой стороне монеты изображен св. Димитрий (справа видна четко буква Т и ниже – менее отчетливо – Р I). Можно предположить, что это S тетартерона императора Иоанна II (1118–1143), выпущенного в Фессалониках. Там же, в Чернигове, в урочище Веригино, был зафиксирован гиперпер никейского императора Иоанна III Ватаца (1222–1254), место хранения которого в настоящее время неизвестно [15, с. 136–137, рис. 1-2]¹. В Черниговском областном историческом музее им. В. В. Тарновского хранится византийская монета, найденная на Княжей Горе (с. Пекари, Каневский район, Черкасская область), которая поступила еще в частную коллекцию В. В. Тарновского (№ А 5 - 828/5), описана Н. Ф. Беляшевским и может быть идентифицирована как биллоновая трахея Мануила I Комнина (1143–1180). Недавние находки биллоновой трахеи того же императора в с. Голая Пристань (Херсонская область) и серебряной монеты XIV в. эпохи династии Палеологов с надписью «политикон» на лицевой стороне и с изображением трех ключей на оборотной стороне в г. Николаеве, вероятнее всего, связаны с контактами Византии и кочевников Северного Причерноморья [16]. Также

известна находка медного тетертерона Мануила I Комнина (1143–1180) на территории Латвии, использовавшаяся как подвеска [17, с. 43]. Вероятно, византийские монеты поступали сюда по днепровско-двинскому пути [18, Lp. 60].

Очевидное сегодня поступление в Восточную Европу византийских монет после первой трети XII в., традиционно рассматриваемой как финал византийского монетного обращения в Киевской Руси, заставляют иначе взглянуть на клад из Вилкува (повят Келецкий, воеводство Севнтотышжское, Польша) [19, s. 154–155, no 105], открытый в начале XX в. Он состоял приблизительно из 20 византийских золотых монет, найденных в керамическом сосуде, происхождение, хронология, достоверная атрибуция и нахождение которых на сегодняшний день неизвестны. В последнем издании средневековых монет на территории Польши клад отнесен ко второй половине XI в. Напомним, что в краткой заметке об обнаружении клада монеты были охарактеризованы как чашевидные («miseczokowate złote monety bizantyńskie») [20, s. 31]. В аналитических статьях этот комплекс преимущественно относится к XII в., хотя не исключается и более широкая хронология XI - первой половины XIV вв. [21, s. 477–478]. В этой связи представляется, что традиционное именование монет этого клада солидами может быть уточнено. Если клад относился к XI в., то он состоял из монет, получивших в это время наименование номисма стамена, если к XII столетию, то в него входили иперперы – номинал, появившийся в результате реформы 1091/92 г.

В истории распространения византийских монет в Восточной Европе Волынская земля до сих пор занимала особенное положение. До недавнего времени их количество на запад от Киевской Руси было незначительно. Об этом свидетельствовал как каталог В. В. Кропоткина, так и недавно увидевший свет свод раннесредневековых монет, происходящих из восточной Польши, часть которой некогда входила в политическую и экономическую орбиту древнекиевского государства [19; 22; 23]. Основываясь на изданном каталоге, можно заключить, что в Малопольше вообще меньше арабских дирхемов, чем, например, на Шленске, хотя ранневизантийский чекан зафиксирован только в этой части Польши. Это может отражать включенность данных регионов раннепольского государства в две различные культурные зоны, связанные преемством с римской и ромейской цивилизациями. Определенные закономерности прослеживаются и в поступлении в этот регион византийских монет. Несмотря на то, что в целом на востоке Польши византийских монет больше, чем на Шленске (40: 7), состав шленских кладов ближе к тому, что известен в Древней Руси и в Балтийском регионе. Известно, что на территории Великопольши некоторое время назад было зарегистрировано 24 клада с византийскими монетами схожего состава, сокрытых до 1010 г. [24]. Здесь, как и на Шленске, присутствуют практически неизвестные на востоке польских земель милиарисии, которые, очевидно, вместе с арабским монетным серебром поступали сюда из Поморья.

Отсутствие милиарисиев на западных окраинах Киевской Руси, весьма вероятно, отражает историческую реальность, в которой обращение византийского монетного серебра X–XI в. в этом регионе было сведено к минимуму, что дополнительно подтверждают немногочисленные белорусские находки. В настоящее время на территории Беларуси известно 15 номисм, 1 имперпер, 7 милиарисиев и 6 фоллисов [25, с. 105–123, 380–384]. Отметим, что именно в конце X – начале XI вв. эти земли, особенно территория «градов Червенских», были предметом спора между Пястами и Рюриковичами и зоной военной активности. Вместе с тем такая ситуация может отчасти отражать и «состояние источника», поскольку случайные находки последних лет, появляющиеся в результате интенсификации строительных работ и непрофессиональной археологической деятельности, не всегда попадают в поле зрения нумизматов.

В сложившейся ситуации появившаяся возможность ввести в научный оборот новые находки византийских монет с территории Западной Волыни, в том числе и ранее неизвестных здесь типов, представляется весьма значимой. Эти монеты были зафиксированы коллективом Любомльского краеведческого музея (г. Любомль, Волынская область, Украина) и поступили либо в его собрание, либо в частные коллекции. Все находки можно условно разбить на раннюю, «среднюю» и позднюю серии.

К ранней серии относятся три зафиксированные серебряные монеты, которые поступили в частные коллекции – две гексаграммы императора Константа II (641–668) (их диаметр – 22 мм, вес – 6,1 г) и одна – Константина IV (668–685) (размер – 25 мм, вес – 6, 9 г), найденные возле с. Оленив Рожыщанского района Волынской области в 2017 г. вместе с другими не попавшими в поле зрения исследователей монетами. В музей поступил также медный фоллис, чеканенный, предположительно, в эпоху правления Константа II (641–668), происходящий из Луцкого района (рис. 1). К «средней» серии X–XI вв. относятся фоллис императора Романа I (920–944) (рис. 2: 4), анонимный фоллис X в. (класса «А») с отверстием

для подвешивания (рис. 2: 3) и анонимные фоллисы классов «В» (1030/35–1042) (рис. 2: 2), «С» (1042–1050) (рис. 2: 5) с отверстием и проволочным ушком для подвешивания и «Г» (1065–1070) (рис. 2: 1), которые найдены в Луцком, Любомльском и Шацком районах.

Однако совершенно уникальной является более поздняя серия, представленная восьмью медными монетами, найденными в окрестностях с. Холопычи Локачинского района Волынской области (рис. 3). По имеющейся информации, они были лишь частью нумизматического комплекса (клада ?), состоявшего более чем из 50 монет, основная часть которого поступила в частные коллекции. Эти монеты имеют выпукло-вогнутую форму, в силу чего к этому типу иногда применяют широко используемый, но признанный некорректным еще в 1971 г. термин «сцефатные» / «скифатные» [26, р. 253–260]. Из них две представлены так называемым болгарскими имитациями типа «С» (1202–1215) (рис. 3: 6, 7), а остальные – имитациями византийских монет, чеканенных в Константинополе в эпоху Латинской империи (1204–1261). Две «латинские» монеты относятся к типу «Р» (рис. 3: 5), две представлены маломодульными экземплярами типа «А» (рис. 3, 2, 8), одна монета относится к типу «Н» (рис. 3: 3) и еще одна, предположительно, к типу «D» (рис. 3: 4) [по поводу классификации см.: 27].

«Болгарские», а также «латинские» имитации византийских монет XIII в., чеканившиеся в Константинополе в 1204–1261 гг. и в Фессалониках в 1204–1224 гг., использовались в денежном обращении в Болгарии до начала чеканки собственных регулярных выпусков в 1256 г. Впервые подобные монеты выделил и отнес к болгарской и латинской имитационным чеканкам М. Хенди [28, р. 191–222], что было принято, хотя и с оговорками, большинством исследователей. Впрочем, Д. М. Меткалф полагал, что болгарские имитации чеканились на Балканах византийскими правителями [29, р. 418–421; 30, р. 114–117]. Однако эта точка зрения опровергается отсутствием кладов с имитациями монет императоров Мануила I и Исаака II, тезаврация которых произошла ранее 1195 г. Причины имитационной чеканки до сих пор окончательно не выявлены. Много вопросов вызывает тот факт, что несколько десятилетий во Втором Болгарском царстве не было собственных монет. Недавно было высказано предположение, что болгарские имитационные монеты, получившие после этого наименование «так называемые» болгарские подражания, выпускались по инициативе Венеции. Правительство этой итальянской республики стремилось сохранить и расширить свое экономическое влияние на Балканах, продолжая снабжать рынки этого региона привычной для них монетой византийского типа и весового стандарта. Посредниками в этом деле венецианцы использовали купцов из Дубровника, издавна имевших привилегии в торговле на Балканах. Предположительно, наряду с товарами – такими, как оружие, шелковые и хлопковые одежды, пряности, медикаменты и парфюмерия, в Болгарию через Дубровник поступали большие суммы – десятки миллионов экземпляров – биллоновых (а после 1222 г. – и золотых) имитационных монет для насыщения местных рынков [31, с. 19–20, 22–64; дискуссию см. в: 32]. За последние годы было найдено несколько новых типов имитаций и разновидностей ранее известных, позволивших, например, расширить хронологические рамки выпуска «болгарских» подражаний типа «С», а также предположить существование альтернативных Константинополю и Фессалоникам центров чеканки «латинских» подражаний. Однако и поныне вопрос о причинах и эмитентах чеканки имитационных монет на Балканах остается открытым [см.: 27].

В связи с этой коллекцией, найденной на Волыни и частично поступившей в Любомльский музей, которую следует признать значительной, необходимо вспомнить и о других «пост-византийских» монетах XIII в. на территории Восточной Европы, как хорошо известных, так и лишь еще вводимых в научный оборот. Еще в 1957 г. во время раскопок городища у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области Украины, которое автор раскопок М. К. Каргер отождествлял с древнерусским Изяславом [дискуссию см. в: 33; 34], была найдена монета плохой сохранности, пробитая в центре в двух местах и чеканенная, предположительно, фессалоникийским правителем Феодором Комниным-Дукой (1223–1230). Определение находки принадлежит И. В. Соколовой [5, № 272].

Согласно полевой описи, монета была найдена в южной части детинца в кв. М-28, на глубине 0,5 м. В этом же и в соседних квадратах на глубине 0,4 - 0,6 м было зафиксировано значительное количество керамики, в том числе – один целый горшок и развал, представленный половиной горшка, а также фрагменты стеклянных браслетов, бронзовое изделие, гвоздь, пуговица, стержень с кольцом, ключи, серп, точило и железный кружок неизвестного назначения. В описи около квадратов МН-27-28 стоит пометка – «жилище», правда, не во всех случаях. На плане находок монета не нанесена, зато присутствует развал печи и человеческий костяк. Версию о связи монеты с жилищем, по-видимому, можно принять как вполне достоверную [35, с. 14]².

Еще одна византийская монета XIII в. была найдена на Збруче. Центральным поселением Медобор

в этот период выступает Крутиловское городище или гора Звенигород. Монета имеет два отверстия и чеканена, по предположению А. В. Фомина, в 1224–1230 гг. в Фессалониках. На основе датировки, указанной в публикации, возможно заключить, что исследователь определили ее как монету императора Феодора Комнина-Дуки, правителя Фессалоникийской империи. Это предположение подтверждается и знакомством с более качественным изображением монеты, нежели то, что было приведено в публикациях. Археологический контекст находки характеризуется большим количеством предметов христианского культа, что, по мнению некоторых коллег, говорит о статусе града как местного княжеского административного центра во второй половине XII – первой половине XIII в., где располагался воинский гарнизон [36, с. 41, 57, рис. 47: 4; 37, с. 81, 110, рис. 47: 4; 38, с. 173].

Выпукло-вогнутая медная монета с изображением фигуры императора с лабарумом и сферой была найдена на Черновском городище древнерусского времени под Черновцами (Черновицкая область, Украина), культура которого весьма близка к культуре уже упоминавшегося городища Звенигород. Монета сохранила следы отверстия. Руководитель раскопок С. Пивоваров склоняется к мнению, что это «латинская имитация», чеканенная в 1204–1224 гг. в Фессалониках (диаметр 25 мм, вес – 1,55 г) [39, с. 156, 157, рис. 1]. Непосредственное знакомство с изображением монеты подтверждает это заключение. Отметим, что на том же городище в 2006 и 2014 гг. экспедициями Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича под руководством С. Пивоварова и Н. Илькыва были найдены две имитационные, латинская или «болгарская», монеты: одна – с пробитым отверстием, другая, обрезанная по краям – со следами несохранившегося отверстия³. Их типы нуждаются в уточнении. В целом же среди немногочисленных находок монет этого региона преобладает более поздний не византийский чекан XIV в., византийские монеты и монеты имитационных чеканов, несмотря на выгодное географическое положение этой земли, здесь крайне редки.

Наконец в районе Каменца-Подольского в 2011 г. был обнаружен клад, который еще только вводится в научный оборот и подлежит тщательному осмыслению. Предварительное сообщение о нем было сделано одним из авторов этой статьи на 23-м Международном конгрессе византийских исследователей в г. Белград, Сербия, в 2016 г., а также на XIX-й Всероссийской нумизматической конференции в апреле 2017 г. в Великом Новгороде, Россия [40]. Клад состоял из 297 мелких фрагментов биллоновых монет XIII в. различных форм (квадратной, прямоугольной, треугольной, трапециевидной) сегментарной), получившихся в результате разрубления монет на 6–9 частей. Общий вес комплекса – 95,17 г, вес отдельных фрагментов колеблется от 0,06 г до 0,78 г, но две трети их общего количества составляют компактную группу в весовом диапазоне от 0,21 г до 0,40 г. Это соответствует нормальному распределению, где среднее арифметическое значение составляет 0,32 г, что почти идентично медиане, равной 0,31 г. Это указывает на счет *al marco*: одна тысяча весит между 310–320 г – значение, близкое весу фунта золота в XIII в. Ремедиум составляет около 65 %. Таким образом, клад, повидимому, является депозитом мелких денежных и счетных единиц, непосредственно участвовавших в денежном обращении.

К настоящему времени удалось идентифицировать 59 фрагментов с конкретным типом монет, тогда как еще 122 фрагмента, очевидно, идентификации не поддаются вообще. Так, в составе клада определяются фрагменты четырех биллоновых трахей разных типов правителей Фессалоник Феодора Комнина Дуки (1224–1230) и Мануила Комнина Дуки (1230–1237), а также монеты имитационной чеканки на Балканах XII–XIII вв. К последним относится один фрагмент «болгарской» имитации типа «С» (1195–1230 гг., более узкую дату установить невозможно) и фрагменты монет Латинской империи в Константинополе (1204–1261) типа «А», «F», «Н», «N», «S», «Т» и «U»; Фессалониках (1204–1222) типа «С», а также выпуск неизвестного монетного двора на Балканах после 1235 г. [27, р. 366–367]. На сегодняшний день самыми поздними в кладе монетами (и самыми многочисленными: 28 и 18 монет соответственно) являются «латинские» имитации типа «Т» и «U», которые датируются 1230–1240 гг. [27, р. 328–332]. По своей композиции клад характерен для ряда комплексов балканского региона, таких как находки из Дорково, Три Водице, Могилы и др. [28, р. 336–338, 391–393, 366–367].

Отметим, что четыре из известных нам монет XIII в., найденных на Вольни (рис. 3: 1, 3, 5) и в Поднестровье, обрезаны по краям, что, на наш взгляд, подтверждает непосредственную связь между «каменецким» кладом и общим потоком монет этого времени с Балкан в Восточную Европу. Стоит отметить, что до сих пор византийские монеты, разрубленные на части в процессе обращения, были зафиксированы только в Крыму [41]. Ранее были известны единичные находки фрагментированных монет только в Крыму. Так, разрубленные на четыре части монеты «латинской» имитационной чеканки в Константинополе после 1230 г. [27, р. 353] были обнаружены на Мангупе и в Юго-западной части полуострова. Автор публикации этих фрагментов, реконструировав из них монету, предположил, что

это имитация местного производства трахеи Андроника I Комнина (1183–1185) не существовавшего в Византии типа [41]. Ошибочность этого вывода объясняется тем, что в 1990-х гг. подобные типы «латинских» имитаций еще не были известны.

Представляется, что находки имитационных монет в окрестностях Каменца-Подольского, Поднестровье и в Крыму весьма важны для определения путей и обстоятельств проникновения византийских монет XIII в. на Волынские земли в эту эпоху. Именно с Каменцом связаны имеющиеся в письменных источниках упоминания проходивших здесь торговых путей, которые продолжали функционировать и в XIV–XV вв. [42, с. 435; 43, с. 39–40].

Неожиданно значительным оказались находки имитационных монет XIII в. в северной части Восточной Европы. Прежде всего, следует упомянуть уже опубликованный и изученный «шелонский клад» из 221 монеты конца XII–начала XIII вв., хранимый сегодня в Новгородском музее-заповеднике [32; 44]. В состав клада входят четырнадцать византийских монет, более двухсот так называемых болгарских и латинских имитации конца XII – начала XIII в., подражающих византийским монетам императоров из династии Комнинов-Ангелов XII в. В новгородском кладе представлены все три типа монет «болгарской» имитационной чеканки: 1) подражания типа «А» 1195–1205 гг. – биллоновым трахеям Мануила I – 38 экземпляров; 2) подражания типа «В» после 1195 г., – биллоновым трахеям императора Исаака II Ангела – 18 экземпляров; 3) подражания типа «С» 1195–1230 гг. – биллоновым трахеям Алексея III Ангела – 157 экземпляров, возможно к ним же относятся 6 экземпляров стертых монет. Кроме того, в кладе имеются две монеты, относящиеся к имитационной чеканке императоров Латинской империи (1204–1261): Константинополь, тип «W» (1235–1240) и маломодульные, тип «А» (1215–1240 г.).

В 2005 г. две болгарские имитационные монеты типа «С», по-видимому, 1200–1210 гг. чеканки, были найдены во время археологических исследований боярских усадеб на Троицком раскопе в Людином конце Новгорода, Россия. Они происходят из отвала и первоначально были отнесены к 10 пласту Троицкого XIII-XIV раскопа, который содержал культурные напластования середины XII столетия, что и позволило авторам раскопок описать их как «бронзовые византийские монеты XII в.» [45, с. 10]. Однако это утверждение находится в противоречии с датой чеканки монет. Очевидно, монеты происходят из более поздних напластований, затронутых в том полевом сезоне, вероятно, при удалении осыпей или зачистке стенок раскопа. Стоит отметить, что обитатели усадьбы в это время были связаны с церковной администрацией. Наиболее вероятным путем поступления в Новгородскую землю комплекса болгарских монет является западный, тем более, что река Шелонь, неподалеку от которой был сокрыт клад, являлась частью так называемого Лужского пути на Балтику. Возможно, его функционирование было связано непосредственно с активным обменом вдоль днепро-двинского пути.

Недавно удалось уточнить определение медной монеты, найденной в 1929 г. на городище в Старой Рязани, которую приписывали императору Алексею III [5, с. 28, № 926]. В действительности это болгарская имитация типа «А», подражавшая трахеям последней группы выпусков Мануила I Комнина. Точно так же знакомство с вновь выявленными в коллекции Рязанского музея монетами из раскопок А. В. Селиванова в Старой Рязани в 1888 г. [46, с. 163; 47, с. 161; 48, с. 33] позволило одному из авторов этой статьи определить их не как чекан династии Комнинов, как предполагалось раньше [5, № 92], а как «болгарские» и латинские имитации, в том числе пять экземпляров типа «U» с изображением св. Иоанна Предтечи. А. А. Гомзин полагает, что эти монеты не были связаны со строительством Спасского собора во второй трети XIII в., что, наиболее вероятно, указывает на 1240–1250-е гг. как время их появления в регионе [49]. Впрочем, исследователи отмечали, что византийские вещи и монеты попадали в Рязанскую землю преимущественно из других княжеств, пройдя несколько этапов транзитной торговли [50, с. 317]. Новые интерпретации находок из Старой Рязани представляется весьма важными для определения хронологии поступления и обращения этих типов монет в Восточной Европе, поскольку дата гибели города во время нашествия 1237 г. может дать нам *terminus ante quem* для начала поступления этих монет на Русь.

Стоит отметить и определенную связь монет с «церковным» контекстом, как в Рязани, так и в Новгороде. Сегодня, в свете новых атрибуций необходимо уточнить все известия о находках монет Комнинов-Ангелов для выявления среди них болгарских или латинских имитаций. Возможно, что среди монет этой династии, которые встречаются в Северо-западном Причерноморье, присутствуют и имитационные выпуски, но по опубликованным прорисовкам [11] трудно сделать определенное заключение.

Наконец, в целях изучения обращения византийских монет и интерпретации волынских находок необходимо привлечь хорошо известные «отрывки Бенешевича», касающиеся истории восточно-

Рис. 1. Фоллис, предположительно чеканенный при императоре Константе II (641–668). Медь, Византия. Размер 25,3 Ч 23 мм, вес – 5,73 г. с. Воютин, Луцкий район, Волынская область, 2015 г. ЛКМ, временное хранение.

Рис. 2. Византийские фоллисы X–XI вв., найденные на территории Волынской области Украины и зафиксированные Любомльским краеведческим музеем, лицевая и обратная сторона: 1 — анонимный фоллис, класс «G» (1065–1070), медь. Византийская империя. Константинополь. Диамет. — 28,4–25,8 мм, вес — 5 г. Волынь, ЛКМ, временное хранение; 2 — анонимный фоллис, класс «B» (1030/35–1042), медь. Византийская империя. Константинополь. Диамет. — 28,4–25,2 мм, вес — 8,32 г. Волынь, 2000 г., ЛКМ, временное хранение; 3 — анонимный фоллис с отверстием для подвешивания, класс «A» (?), X в., медь. Византийская империя. Константинополь. Диамет. — 25,2 мм, вес — 5,98 г. с. Крупа, Луцкий район, Волынская область. ЛКМ Н-4698; 4 — фоллис императора Романа I (920–944), медь. Византийская империя. Константинополь. Диамет. — 27,2 мм, вес — 5,48 г. Городище в урочище «Колесо», пгт. Головно, Любомльский район, Волынская область, 2014 г. ЛКМ КВ-15254; 5 — анонимный фоллис с отверстием и ушком для подвешивания, класс «C» (1042–1050), медь. Византийская империя. Диамет. — 29,6 мм, вес с ушком — 9,04 г, без ушка — 8,83 г. Урочище Сад, пгт. Шацк, Шацкий район, Волынская область, конец 2000-х гг., частная коллекция.

европейской митрополии *Росия* в эпоху митрополита Феогноста (1328–1353), в казне которого оказалось 28 золотых и 6 серебряных «кавкиев» - вогнутых монет, обозначаемых греческим термином «*kaukion*». Среди даров, поступивших митрополиту от представителей литовской династии Гедиминовичей и других восточно-европейских князей также значатся серебряные «кавкии» [1, с. 243–244; 51; 52].

Вряд ли в интересующем нас документе речь идет о серебряных монетах XIV в., поскольку употребляемый термин предполагает именно вогнутые монеты. Известно, что в Византии вогнутое серебро чеканилось, начиная с середины XI в. Это были милиарисии Константина IX Мономаха и более поздние выпуски, а также электровые трахеи XII в., ставшие в Никейской и Фессалоникской империях XIII в. серебряными вплоть до времени правления императора Михаила VIII Палеолога. Император Андроник II ввел уже плоские серебряные дукаты-басиликоны, которые предпочтительно именовать дукатами, как аргументировано показал А. Л. Пономарев [53, с. 471–477]. Вогнутый золотой чекан, появившись в середине XI в., последний раз засвидетельствован в 1328–1341 гг. или же - по другой версии - в 1341–1347 гг. с изображениями правителей Андроника III, Анны Савойской и Иоанна V. Логично предположить, что в монетном обращении Восточной Европы и в распоряжении князей продолжали находиться золотые и серебряные вогнутые монеты, выпущенные в конце XIII – начале XIV в.

Остается понять пути, причины и контекст поступления византийских и имитационных монет XIII в. в Восточную Европу, а также постараться установить предположительных инициаторов и участников этого монетного обращения. Недавно было высказано любопытное предположение, что восточноевропейские клады и находки имитационного чекана должны быть признаны памятниками монетного обращения еврейской диаспоры в Европе, имевшей тесные связи с еврейской общиной Фессалоник, поскольку композиция кладов якобы отражает «экономический диалог германского и славянского еврейства» и географию его расселения, так как монетные клады и находки могут быть привязаны к «известным и/или реконструируемым по письменным источникам и косвенным данным местам расселения еврейских общин в городах домонгольской Руси (Галицко-Волынская земля, Киев и Киевское княжество, Чернигов, Рязань, Новгород)» [54]. К памятникам этого обращения был отнесен и Хотинский клад, сокрытый до 1250-го г., в состав которого входили многочисленные брактеаты из Германии, а также денарии Каринтии, Венгрии и Чехии [55; 56; 57]. Основанием для такого предположения явилась атипичность нумизматических находок для монетного обращения в данном регионе в изучаемую эпоху.

Гипотеза может оказаться небезинтересной. О важности изучения иноэтничных и иноконфессиональных общин в истории Украины неоднократно писал Я. Дашкевич, который много сделал для исследования этого вопроса, затрагивая, в том числе, и различные аспекты деятельности еврейских и караимских общин, начиная с XIII в. [58–63; см. также 64]. Однако в данном случае возникает проблема методологического характера. «Нетипичность» интересующих нас монетных находок растворяется в ситуации, когда монетное обращение в Восточной Европе вообще оказывается «нетипичным». Дополнительно стоит отметить, что находки, которым предстоит стать предметом интерпретации, сами оказываются основным интерпретационным инструментом иного исторического феномена этнокультурного характера. Представляется, что пути обоснования предложенной гипотезы лежат в области независимого от нумизматического материала и источниковедчески надежной, а не просто «реконструируемой» «по косвенным данным» идентификации «точек и зон» расселения еврейских общин в древней Руси,

Появление византийских и имитационных монет XIII в. приходится на драматическую эпоху, начавшуюся с событий IV Крестового похода 1204 г. и характеризующуюся политическими пертурбациями, приведшими к образованию Латинской империи (1204–1261), королевства Фессалоник (1204–1224) и Ахейского княжества (1204–1432), Никейской (1204–1261), Фессалоникийской (1222–1244) и Трапезундской (1204–1461) империй, Эпирского деспотата (1204–1461). Эти события сопровождалось оттоком греческого и славянского населения Византии, в том числе духовенства и мастеров, обслуживавших церковную жизнь и личное благочестие эпохи. Подобная миграция надежно зафиксирована как данными письменных источников, так и археологическими находками, свидетельствующими о появлении в Восточной Европе новой стилистики и иконографии произведений мелкой пластики [65–69]. Возможно, что именно эти социальные группы и могли явиться носителями новой для региона монетной практики.

В заключении отметим, что новые находки византийских и имитационных монет XIII в. позволяют хронологически удлинить процесс обращения византийского чекана в Восточной Европе и выделить здесь, по крайней мере, два дополнительных этапа, один из которых охватывает начало XIII – начало

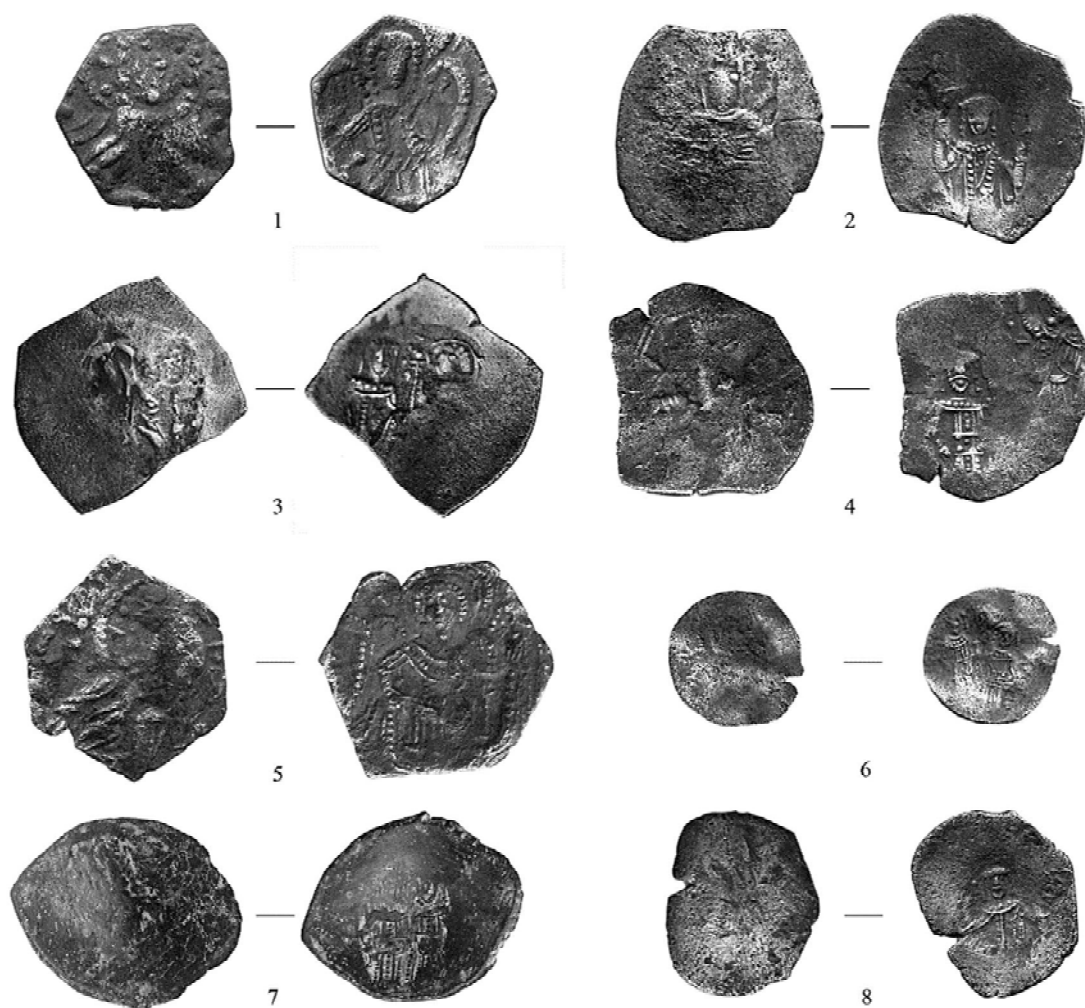

Рис. 3. «Болгарские» и латинские имитации византийских монет, лицевая и оборотная сторона, окрестности с. Холопычи, Локачинский район, Волинская область, Любомльский краеведческий музей: 1 — Латинская империя (1204–1261), тип «Р», медь. Константинополь. Диамет. — 15,3–14,9 мм, вес — 0,65 г; 2 — Латинская империя (1204–1261), маломодульная монета, тип «А», медь. Константинополь. Диамет. — 20,5–18,2 мм, вес — 1,45 г; 3 — Латинская империя (1204–1261), тип «Н», медь. Константинополь. Диамет. — 21,9–16,3 мм, вес — 1,71 г; 4 — Латинская империя (1204–1261), тип «D» (?) Константинополь. Диамет. — 23–19,4 мм, вес — 1,90 г; 5 — Латинская империя (1204–1261), тип «Р», медь. Константинополь. Диамет. — 20,2–17,1 мм, вес — 0,92 г; 6 — болгарская имитация, тип «С» (1202–1215), медь. Диамет. — 21,9 мм, вес — 1,28 г; 7 — болгарская имитация, тип «С» (1202–1215), медь. Диамет. — 27–22,2 мм, вес — 3,87 г; 8 — Латинская империя (1204–1261), маломодульная монета, тип «А», медь. Константинополь. Диамет. — 19,2–15,4 мм, вес — 1,39 г.

XIV в. Если первый период характеризуется продолжением ограниченного обращения немногочисленных византийских монет эпохи Комнинов преимущественно на юге региона, то с начала XIII в. проникновение имитационного чекана как в южные, так и в северные земли становится более активным. Эта активность позволяет скорректировать наши представления о безусловном господстве «безмонетной» экономики в Восточной Европе вплоть до второй половины XIV в. В отношении территории современной Украины можно предположить, что обращение в ряде ее регионов имитационного и византийского чекана XIII в. уже в первой половине-середине XIV в. плавно сменяется появлением в экономике пражских грошей [70; 71]⁴, которые доминировали здесь вплоть до позднего средневековья.

¹ Авторы благодарят коллегу Е. М. Веремейчик за консультацию и предоставленную информацию.

² Авторы благодарят за уточняющую информацию коллегу А. А. Пескову.

³ Благодарим коллег Ю. В. Мисько за информацию об этих находках и С. В. Пивоварова за возможность ознакомиться с их изображениями.

⁴ Хромова І. Європейські монети в українському грошовому обігу XIV–поч. XVI ст. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: Зб. наук. пр. 2009. Вип. 16. С. 180–189; Козубовський Г. А. Про деякі економічні наслідки походів Гедиміна 20-х рр. XIV ст. // Археологія. Київ, 2015. № 3. С. 33–43.

1. Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. П. Г. Гайдукова (изд.). Москва, 2014.
2. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. Москва, 1956.
3. Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. Москва, 2009.
4. Спасский И. Г. Русская монетная система: Историко-нуμισматический очерк. Ленинград, 1970.
5. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. Свод археологических источников. Вып. Е4-4. Москва, 1962.
6. Кропоткин В. В. Новые находки византийских монет на территории СССР // Византийский временник. Т. 26. Москва, 1965. С. 166–189.
7. Noonan T. S. The Circulation of Byzantine Coins in Kievan Rus // Byzantine Studies - Études byzantines. Vol. 7: 2. Pittsburgh, 1980. P. 143–181.
8. Кистерева С. Н. Русское денежное обращение в трудах В. Л. Янина. Москва, 2004.
9. Стефанович П. С. Гривна как денежная единица: к спору «меховистов» и «металлистов» // Российский рубль: 700 лет истории. Материалы Международной научной конференции 25–27 апреля 2016 г. П. Г. Гайдуков (ред.). Великий Новгород, 2017. С. 19–24.
10. Кулешов Вяч. С. К проблемам реконструкции древнерусских денежных систем и денежного счѣта (критические замечания к статье П. С. Стефановича) // История: электронный научно-образовательный журнал. Вып. 8 (57) : Лаборатория историка: источник и метод. Москва, 2017; <https://history.jes.su/s207987840001803-2-1> (консультация 1 октября 2017 г.).
11. Столярик Е. С. Очерки монетного обращения Северо-западного Причерноморья в позднеантичное и византийское время (конец III – начало XIII в.). Киев, 1992.
12. Зоценко В. Н. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия: Сб. научных трудов (к XVIII Конгрессу византистов). П. П. Толочко (отв. ред.). Киев, 1991. С. 57–79.
13. Пескова А. А. Малоизвестная коллекция находок из раскопок Д. В. Милеева в Киеве в 1908-1912 гг. (ОАВЕиС ГЭ, коллекция № 637) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 65. Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 г. Д. Д. Ёлишин (ред.). Санкт-Петербург, 2012. С. 185–210.
14. Веремейчик Е. М. Отчет от охранных археологических раскопках 1990 г. на Черниговском посаде по ул. Коцюбинского, 52. // Научный архив Института Археологии Национальной Академии Наук Украины. Киев. Д. № 1990/150.
15. Коваленко Ю. А. Древнерусский Глухов (по материалам археологических разведок) // Деснинские древности. Вып. 5. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Е. И. Прокофьев (ред.). Брянск, 2008. С. 131–149.
16. <http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=14&topic=40&start=1> (консультация: 1 октября 2017 г.)
17. Берга Т. М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX – XII вв. Рига, 1988.
18. Berga T. Bizantijas monētas Latvijā // Latvijas vēstures institūta žurnāls. No 2. Rīga, 2011. Lp. 58–64.
19. Reyman-Walaczak B., Ilisch P., Malarczyk D., Nowakiewicz T., Widawski M., Woźniak M. Frühmittelalterliche Münzfunde aus Kleinpoleen; Reyman-Walaczak B., Ilisch P., Malarczyk D., Nowakiewicz T., Nakielski W. Frühmittelalterliche Münzfunde aus Schlesien. Frühmittelalterliche Münzfunde aus Polen. Inventar. Bd. 4. Warszawa, 2013.
20. [Gumowski M.]. Kronika (Zielona, Wilków) // Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne. T. 2. Kraków,

1910. S. 23, 31.

21. Wołoszyn M. *Byzantinische Münzen aus dem 6.–7. Jh. in Polen // Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century*. M. Wołoszyn (ed.). *Moravia Magna: Seria Polona*. Vol. 3. Kraków, 2009. S. 473–529.

22. Guruleva V., Musin A. *Review on: Reyman-Walaczak B., Ilisch P., Malarczyk D., Nowakiewicz T. Widawski M., Woźniak M. Frühmittelalterliche Münzfunde aus Klempolen; Reyman-Walaczak B., Ilisch P., Malarczyk D., Nowakiewicz T., Nakielski W. Frühmittelalterliche Münzfunde aus Schlesien. Frühmittelalterliche Münzfunde aus Polen. Inventar. Bd. 4*. Warszawa, 2013 // *Notae Numiticae*. Vol. 5. Kraków, 2015. P. 195–205.

23. Гурулева В. В., Мусин А. Е. *Серебро Польской земли: новейший каталог средневековых монет на территории современной Польши (Reyman-Walaczak B., Ilisch P., Malarczyk D., Nowakiewicz T. Widawski M., Woźniak M. Frühmittelalterliche Münzfunde aus Klempolen; Reyman-Walaczak B., Ilisch P., Malarczyk D., Nowakiewicz T., Nakielski W. Frühmittelalterliche Münzfunde aus Schlesien. Frühmittelalterliche Münzfunde aus Polen. Inventar. Bd. 4*. Warszawa, 2013) // *Российский археологический ежегодник*. № 5-6. Санкт-Петербург, 2015–2016. С. 266–274.

24. Gliksmann A. *Obieg monet bizantyjskich na terenie Wielkopolski w X-XI wieku // Slavia Antiqua*. Vol. 44. Poznań, 2003. S. 97–119.

25. Бектинеев Ш. И. *Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI вв.: нумизматические исследования*. Минск, 2014.

26. Grierson Ph. *Nummi Scyphati. The Story of a Misunderstanding // Numismatic Chronicle*. Vol. 11. London, 1971. P. 253–260.

27. Marchev V., Wachter R. *Catalogue of the Late Byzantine Coins. 1081–1453*. Vol. 1: 1081–1261. Veliko Tarnovo, 2011.

28. Hendy M. *Coinage and Money in the Byzantine Empire (1081–1261)*. Washington, D.C., 1969.

29. Metcalf D. M. *Byzantinobulgarica: The Second Bulgarian Empire and the Problem of «Bulgarian Imitative» Trachea Before and After 1204 // The Numismatic Circular*. Vol. LXXXI. № 11. London, 1973. P. 418–421.

30. Metcalf D. M. *Coinage in South-Eastern Europe. 820–1396*. London, 1979.

31. Дочев К. *Каталог на българските средновековни монети XIII–XIV век. Типове, варианти, цени*. Велико Търново, 2009.

32. Гурулева В. В., Федорова Т. Н. *Шелонский клад первой половины XIII в.: византийские монеты и болгарские и латинские имитации // Эпиграфика и нумизматика*. Вып. 19. Москва, 2015. С. 63–99.

33. Белецкий С. В., Пескова А. А. *Древнерусские печати Шепетовского городища и поиски его летописного имени // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. Сборник научных статей*. С. В. Белецкий (ред.-сост.), А. Н. Кирпичников (отв. ред.). Т. 2. Санкт-Петербург; Псков, 1997. С. 129–138.

34. Демидко С. Ю. *Микрорегионы «Изяславля» – Изяслава и «Изяславля» – городища: попытка сравнения / В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой*. А. Е. Мусин (отв.-ред.), О. А. Щеглова (ред.-сост.). Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. Санкт-Петербург, 2017. С. 141–150.

35. Каргер М. К. *Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ЛГУ в 1957 г. Ленинград, 1976 // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия*.

36. Русанова И. П., Тимощук Б. А. *Языческие святилища древних славян*. Москва, 1993.

37. Русанова И. П., Тимощук Б. А. *Языческие святилища древних славян*. 2-е изд. Москва, 2007.

38. Комар А. В., Хомайко Н. В. *Збручский идол: памятник эпохи романтизма? // Ruthenica*. Т. 10. Кив, 2011. С. 166–217.

39. Пивоваров С. *Візантійська монета с Чернівського городища // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології та етнології: Зб. наукових статей*. О. М. Масан, О. І. Сич (ред.). Т. 3. Чернівці, 1999. С. 154–159.

40. Гурулева В. В. *Клад фрагментов византийских и имитационных монет XIII в. с территории Юго-Западной Руси // Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 18–22 апреля 2017 г. Тезисы докладов и сообщений*. П. Г. Гайдуков и др. (ред. кол.). Москва, 2017. С. 39–41.

41. Коршенко А. Н. *Находки скифатных монет на Мангупе // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г. Тезисы докладов и сообщений*. Санкт-Петербург, 1998. С. 48–49.

42. Брун Ф. К. *Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланнуа // Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 3. Одесса, 1853. С. 433–465.

43. Мусин А., Миронюк І. *Торгові пломби Турне з Галича та надходження західноєвропейських тканин до Східної Європи в XIV–XV ст. // Галич. Збірник наукових праць*. Вып. 2. Івано-Франківськ, 2017. С. 16–50.

44. Guruleva V. *A Hoard of Bulgarian Imitative Coins of XII–XIII century from the Novgorod Region // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies*. Sofia, 22–27 August 2011. Vol. 2: Abstracts of Round Table Communications. Sofia, 2011. P. 97–98.

45. Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В. *Работы в Людиноме конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля: история и*

археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 5–16.

46. Селиванов А. В. Дневник раскопок в Старой Рязани // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1888 г. Т. III. № 8. Рязань, 1889. С. 162–164.

47. Селиванов А. В. Отчет о раскопках в Старой Рязани // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1888 г. Т. III. № 8. Рязань, 1889. С. 159–162.

48. Селиванов А. В. О раскопках в Старой Рязани и в древнем городке, известном в летописи под именем «Новый городок Ольгов» // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1890 г. Т. V. № 3. Рязань, 1891. С. 31–36.

49. Гомзин А. А. Монеты из раскопок А. В. Селиванова 1888 г. на городище Старой Рязани // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 245: 2. Москва, 2016. С. 44–56.

50. Монгайт А. Л. Рязанская земля. Москва, 1961.

51. Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории Русской Церкви XIV в. // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 21. Кн. 1. Санкт-Петербург, 1916. С. 48–70.

52. Русина О. Київська виправа Гедиміна: текстологічний аспект проблеми // Записки Наукового товариства ім. Тараса Шевченка. Т. 231. Праці Комісії спеціальних (допоміжних) дисциплін. Львів, 1996. С. 147–157.

53. Пономарев А. Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. Москва, 2011.

54. Кулешов Вяч. С. Средиземноморье, Балканы и Восточная Европа: памятники монетного обращения еврейских общин (VIII–XIII века) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 80: Белградский сборник: К XXIII Международному конгрессу византинистов (Белград, Сербия, 22–27 августа 2016 года). Санкт-Петербург, 2016. С. 85–104.

55. Потин В. М. Клад брактеатов из Поднепровья // Нумизматика и сфрагистика. Т. 1. Киев, 1963. С. 109–127.

56. Чернышов К. М. Геральдическая составляющая изображений на брактеатах Хотинского клада (конец XII — начало XIII века) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 80: Белградский сборник: К XXIII Международному конгрессу византинистов (Белград, Сербия, 22–27 августа 2016 года). Санкт-Петербург, 2016. С. 219–232.

57. Potin V. M. (†), Tschernyschow K. M. Der Münzfund von Chotin. Bestandskatalog der Exemplare im Münzkabinett der Staatlichen Ermitage St. Petersburg. Hamburg, 2018 (в печати).

58. Дашкевич Я. Р. Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV–XIX веков: (Историографический очерк). Ереван, 1962.

59. Stepaniv J. [Dashkevych Y]. L'époque de Danylo Romanovic (milieu du XIIIe siècle) d'après une source karaïte // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 2, No 3. 1978. P. 334–373.

60. Дашкевич Я. Міграція караїмів у Русь-Україну та Литву (IX–XIV ст.) // Караїми Галича: історія та культура. Матеріали міжнародної конференції (Галич, 6–9 вересня 2002 р.). Додаток. Львів; Галич, 2002. С. 164–192.

61. Дашкевич Я. Р. Данило Романович і єпископ Петро в освітленні караїмського джерела // Українські землі часів короля Данила Галицького: церква і держава: Статті й матеріали. Львів, 2005. С. 74–91.

62. Дашкевич Я. Степові держави на Поділлі та в Західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вып. 10. 2006. С. 112–121.

63. Дашкевич Я. Данило Романович і єпископ Петро в освітленні караїмського джерела // Дашкевич Я. Постаті. Нариси про діячів історії, політики, культури. Львів, 2007. С. 35–61.

64. Кочубей Ю. М. Ярослав Дашкевич і питання національних меншин в Україні // Східний світ. № 14. Львів, 2016. С. 18–22.

65. Пуцко В. Г. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII–XIII вв. // Byzantinoslavica. Vol. 57. Prague, 1996. С. 376–390.

66. Пуцко В. Г. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // Byzantinoslavica. Vol. 59. Prague, 1998. С. 317–319.

67. Пуцко В. Г. Бронзовый киотный крест из Херсонеса (византийско-киевская металлопластика начала XIII в.) // Византийский Временник. Т. 58 (83). Москва, 1999. С. 165–171.

68. Ивакин Г. Ю., Пуцко В. Г. Киевский каменный рельеф с изображением Евстафия Плакиды // Российская археология. № 4. Москва, 2000. С. 160–168.

69. Пуцко В. Г. Северо-Восточная Русь и Никея (исторический фон Георгиевского собора в Юрьеве-Польском) // Рождественский сборник. Вып. 15. Ковров, 2008. С. 36–42.

70. Хромова І. Європейські монети в українському грошовому обігу XIV–поч. XVI ст. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: Зб. наук. пр. Вып. 16. Київ, 2009. С. 180–189.

71. Козубовський Г. А. Про деякі економічні наслідки походів Гедиміна 20-х рр. XIV ст. // Археологія. № 3. Київ, 2015. С. 33–43.